

ОБРАЗ ДОНА В ФОЛЬКЛОРЕ ДОНСКИХ КАЗАКОВ

Ларионова Марина Ченгаровна

доктор филологических наук, заведующая отделом гуманитарных исследований Федерального научного центра Южного научного центра Российской академии наук (Ростов-на-Дону, Россия)

e-mail: larionova@ssc-ras.ru

ORCID: 0000-0002-2955-2621

Аннотация. Важнейшей структуро- и смыслообразующей составляющей символического описания территории является категория художественного пространства. Одним из пространственных метаобразов донского локального текста, организующим сюжетно-персонажные уровни и весь художественный мир фольклорных и литературных произведений, стал образ Дона. Река – это не просто место действия, но и сакральный топос, «образ места». Особое почитание реки характерно для фольклора донских казаков, который сохранил общерусские представления о реке (путь в «иной» мир, символ судьбы, граница) и выработал специфически местные (в связи с историческими обстоятельствами и новым, историческим, а не мифологическим, типом мышления). При этом пространственные и географические характеристики имеют не конкретный, а обобщенно исторический или географический характер. Одни и те же сюжеты прикрепляются к разным персонажам. Исторической новацией стало представление о Доне как о родине и кормильце, связь образа реки с волей и свободой, мотивы битвы с врагами, деление персонажей на «своих» и «чужих», «разбойничья» тема. Река в донском фольклоре – это сугубо мужское пространство. Встречающиеся в «женских» лирических песнях образы реки и переправы как символов брака имеют общерусский характер. Основные значения реки, как бы она ни называлась, связаны с судьбой, родиной, свободой, испытанием, битвой. Именно эти смыслы транслировались и в художественную литературу региона¹.

Ключевые слова: донской локальный текст, сакральный топос, река, образ Дона, казачий фольклор, «свой» и «чужой»

¹ Публикация подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН, № гос. регистрации проекта 125011200150-2.

Одной из важнейших, структурообразующих, составляющих локального (регионального) текста, символического описания территории, является категория художественного пространства. Как известно, локальный текст в научном дискурсе понимается как «парадигма, т.е. целая вертикаль текстов, выстроенная вокруг определенной тематической оси: города, местности, края» [Баянбаева: 77]. Его изучение позволяет выделить культурные, исторические, духовные, ментальные, поведенческие признаки людей, живущих в определенной местности: «Локальный текст – это корпус “текстов о месте”, благодаря которым само “место” наделяется рядом дополнительных характеристик» [Там же].

Для локального текста Юга России одним из главных пространственных образов – метаобразом, организующим сюжетно-персонажные уровни фольклорных и литературных произведений, весь художественный мир, – стал образ реки, Тихого Дона. Река становится не только и не столько географическим объектом, сколько «образом места», сакральным топосом, «важным мифологическим символом, элементом сакральной топографии» [Топоров: 374]. Заметим, что особое почитание реки характерно в первую очередь для казачьего фольклора и тесно связанной с ним литературы. Море, которое тоже является частью ландшафта региона, сохраняется в фольклоре в общемифологическом значе-

нии и становится в литературе пространственным образом в творчестве писателей, тесно связанных не с Придоньем, а с Таганрогом и Малороссией.

Этимологию слова «река» М. Фасмер связывает со значениями «ринуться», «реять», а также «течение», «бег», «дорога» [Фасмер, 1987: 464]. В.И. Даль отметил возможную связь с «речью», очевидно, по тому же признаку течения [Даль: 94]. «Кровеносными жилами земли» предстают реки в народных этиологических преданиях и легендах [Виноградова: 416]. В мировом, в том числе славянском, фольклоре река воспринимается как путь в «иной» мир, на тот свет. Этим объясняется вид похоронной обрядности, когда покойника отправляли на плоту или лодке по реке. С текучестью реки, ее связью с миром мертвых, видимо, связано представление о реке как о символе судьбы, доли, а также ее лиминальный, пограничный характер. В более поздних, чем обрядовые, народных лирических песнях река разделяет влюбленных, а переправа через реку знаменует их встречу. Переправа через реку также связана с мотивом испытания героя.

Эти общерусские представления о реке сохранились и в донском фольклоре, закрепившись за Доном. Отметим, что это не единственный оним в фольклоре региона. Казачьи песни могут называть реку и Дунаем, и Чиром, и Камышинкой, и др. Дунай в русском фольклоре – это река вообще,

«обозначение мифологизированного водного пространства», «прародины славян», «граница и центр мира» [Петрухин: 146], «лексема “Дунай” в славянских языках ... стала нарицательным словом, обозначающим далекую незнакомую реку, глубокие воды, море, водный разлив, ручей и т. п.» [Иванов, Топоров: 171], при этом «море-Дунай называют тихим» [Юдин: 60]. Это сакральная река, которая не протекает по территории Руси / России, но, по наблюдениям С.Ю. Харьковской, присутствует в большом количестве былинных сюжетов [Харькова, 2018]. Более того, Дунай – этимологически собственно «река» [Фасмер, 1986: 552–553] и «на территории расселения славянских народов многие реки получили названия с корнем *дунай*» [Харькова: 410]. Сходство и заменяемость Дуная и Дона свидетельствуют об их тождестве в сознании носителей фольклора. По мнению того же М. Фасмера, гидроним «Дон» показывает родство с осетинским *don* «река» [Фасмер, 1986: 553]. Таким образом, и Дон в донском фольклоре – это река вообще, а появление в песнях или сказочной прозе других рек – это дань истории и местной традиции. Еще одним аргументом в пользу обобщающего характера образа реки в донском фольклоре является гидроним «Лазоревая» в песне, содержащей отсылку к «полковнику Иловайскову»:

Ей, да на речушке то-то, ну, было
Ей, было на речушке на Лазоревой. <...>

Ей, ну охотничек, сын полковничий,
Ей, полковничий, вот бы Иловайсков сын...
[Листопадов, 1949а: 349]

Казачьи командиры Иван и Степан Иловайские – реальные исторические лица. Песня не уточняет, о ком из них поется. Это обобщенный образ казачьего героя, а наименование реки приобретает не географический, а оценочный смысл.

Сформировавшийся в общерусском (и даже мировом) фольклоре комплекс мифопоэтических значений образа реки: граница (переправа), путь, судьба, исток жизни, испытание и др. – сохраняются на Дону, в казачьем фольклоре, однако трансформируются в связи с историческими обстоятельствами и новым, историческим, а не мифологическим, типом мышления. В донском фольклоре, как пишет Т.С. Рудиченко, река включена в казачий хронотоп: «Среда обитания казаков – открытые пространства. Во всем комплексе их культуры, включая письменные источники, она представлена в образах реки и степи-поля. <...> Образ реки является той “мандалой”, которая позволяет структурировать пространство всего света» [Рудиченко: 17]. Это наблюдение поддерживают и другие исследователи донского фольклора: «Центральным образом в картине мира донских казаков является казачья река – *вольный Тихий Дон*. По происхождению и содержанию концепт *Дон* тяготеет к представлениям

о мировой реке, одновременно являющейся и границей, и центром мира. <...> Сакрализация главной казачьей реки сделала допустимым перенос на ее берега коллизий библейской истории» [Власкина, Архипенко, Калиничева: 56].

Казачьи городки времен расселения казаков по соображениям безопасности «располагались по берегам рек или на островах, где вода служила естественной преградой для врага. <...> Огромные территории берегов Дона и таких его притоков, как Хопер, Медведица, Чир, Северский Донец, заселялись если не одновременно, то на протяжении не очень длительного для истории времени» [Донские казаки в прошлом и настоящем: 33]. Как пишет М.А. Рыблова, Дон стал «структурообразующей осью, соединяющей воедино все казачьи поселения и определяющей процесс формирования понятия Донской земли как родины» [Рыблова: 55]. Представление о Доне как родине стало в казачьем фольклоре исторической новацией:

Ой да, ты полковник мой, отпусти домой,
Ой да, отпусти домой да на Тихий Дон,
Ой да, все на Тихий Дон, к отцу, к матери родной,
Ой да, к отцу, к матери родной да к жене молодой
[Листопадов, 19496: 235].

Представление о родине – отчизне – связано и с характеристикой Дона как «батюшки»:

Ай ну, кто бы, кто бы с нас, братцы, побывал
У нас, братцы, на Тихом Дону,
У нас на Тихом Дону,
Ей, ну, кто бы, кто бы нам, братцы, рассказал
Про батюшку славный Тихий Дон...
[Листопадов, 1949а: 147]

В преданиях и песнях о Ермаке распространен сюжет о том, что Иван Грозный жалуется Ермаку Доном за победу над Казанью, а сам Ермак таким образом становится первым казаком: «Тут царь Ермаку предложение вносит: – Чем тебя пожаловать? Или царством, или богатством? – Мне не нужно ни царства, ни богатства. Ты меня пожалуй Доном-рекою и званием казака» [Ермак легендарный...: 64], А Дон, таким образом, становится родиной казачества.

Дон не только родина казачества, но и «кормилец». И не только потому, что казаки промышляли рыбной ловлей. В казачьей песне Дон протекает «сверху до низу» и его течение – это мировая ось, течение жизни:

Ой, ты, кормилец, только скажем, Тихий Дон,
Доночек Ива... Дон Иванович...
Щй, протекал-то, скажем, славный Тихий Дон,
Ой, ты сверху до... сверху до низу
[Народное творчество Дона: 129].

В этой же песне содержатся и важнейшие для казачьего фольклора мотивы. Один из них – мотив воли, свободы:

Все наши това... ой, вот товарищи,
 Вольные они да свобо... все свободные,
 Ей, вот и раз и два!
 Вольные донцы свобо... все свободные [Там же:
 130].

Этот мотив тоже является исторической новацией. Ни среди мифологических представлений, ни в «речном» фольклоре других территорий его нет. Составитель сборника преданий о Ермаке Т.И. Тумилевич отмечала: «Больше всего песен на Дону о воле как самой заветной мечте <...> Эпитетом “вольный” поэтизируется человек, земля, край, ставший родиной беглого люда» [Тумилевич, 1987: 6]. В историческом предании о Ермаке сказано: «стал Ермак принимать к себе беглых, ставил какие-то условия: человек должен был пройти испытание – землю ел, клялся в верности делу вольности» [Ермак легендарный...: 24]. Зафиксирован этот мотив не только в песнях и преданиях, но и в пословицах: «Вышел из полону, да поселился на Дону» [Фольклор Дона: 97], «Жена моя и воля моя» [Там же: 98], «Казака и связанного не заставишь выделять овчины» [Там же: 100], «На Дону нет царя» [Там же: 102] и др.

Другой важнейший для донского фольклора мотив – мотив битвы с врагами. Казаки – воинское, служилое сословие, поэтому сюжеты о противостоянии врагу чрезвычайно распространены в казачьем фольклоре. Актуальны традиционные, общеславянские представления о битве как севе и жатве:

Ой да, вот и чем распа... чем распахана, ей,
 Славная эта земе... ну, земелюшка,
 Ой да, и ну, распа... ну, распахана, ей,
 Не плугами, не боро... не боровами,
 Ой да, вот и, да распа... уют, распахана, ей,
 Коневыми копыта... копытами,
 Ой да, вот и, ну, засе... ну, засеяна, ей,
 Семенами не всхожими,
 Ой да, вот и, что усе... что усеяна, ей,
 Казацкими голо... головами [Там же: 145–146].

Метафора битвы как сева и жатвы, имеющая архаическое происхождение, сохраняется в народных исторических песнях и переходит в литературу, в «Слово о полку Игореве»: «Изображаемые в произведении события принимают характер полного земледельческого цикла, который имеет самую тесную связь с идеей гибели – воскресения в системе мифологического мышления» [Гаспаров: 31]

Эти представления пополняются включением географических и исторических реалий:

Ой да, как Ермак-то наш
 Да удалой казак...
 Полонил царя Кучума старого... [Фольклор Дона: 45]

Или в песне о Степане Разине:

Мы догоним те кораблики,
 Кораблики все турецкие,
 Разобьем мы кораблики
 Турецкие, басурманские... [Там же: 60]

Однако пространственные и географические характеристики имеют не конкретный, а обобщенно исторический или географический характер. Одни и те же сюжеты прикрепляются к разным персонажам. Так, на реке Камышинке казаки выбирают атаманом Ермака, а в другой песне – Разина. На условность пространства / территории указывает песня о завоевании Ермаком Сибири на «море Хвалынском» [Там же: 46]. На Дон на кораблях (! – М. Л.) войной собирается идти Наполеон:

Ай, вот, хвалится да француз, да
 Выхваля... выхваляется,
 Вот он сам на Тихий Дон да итить
 Убира... убирается...
 Вот-и, нагружал свои да галерушки
 Дорогими все товарами,
 Вот-и, как и теми-то да товарами –
 Ой, свинцом – по... свинцом-порохом [Листопадов 1949а: 374].

Примечательно, что даже в случае, когда сюжет не связан с рекой, местом действия все равно становится река:

Ай, по горыни, по горыни, по горынюшке,
 По Миюсу, по Миюсу, по Миюсьскому,
 Ай, там ишли, прошли казаки сы Кумыл-реки,
 Они шли, прошли казаки, обначились...
 «Ай, ну и плохо жа, ребятушки, мы сделали, –
 Не попутали добрых коней, простых пустили,

Ай, не попутали добрых коней, простых пустили,
 Не поставили караула, сами спать легли!» [Там же: 142]

Все песни про Степана Разина – «речные», но и сюжеты о Ермаке, особенно о его гибели, развиваются в «речном» хронотопе. Так, существует две основных версии гибели Ермака – от копья хана Кучума и в Иртыше в попытке спасения под тяжестью доспехов. Историк Я.Г. Солодкин, посвятивший гибели Ермака специальный раздел своей монографии и изучивший летописные свидетельства, показания выживших казаков и научные исследования, склоняется к версии о копье, тогда как сюжет гибели в реке считает фольклорным [Солодкин: 143–153]. Действительно, в донском фольклоре, в песнях и преданиях, существует единственная версия гибели Ермака в водах Иртыша и объясняется она тяжелым снаряжением. В аналогичной ситуации в «Слове о полку Игореве» погибает князь Ростислав: пересечение реки означает смерть [Гаспаров: 30]. Впоследствии этот сюжет будет привязан к другому легендарному герою – В.И. Чапаеву. Более того, в одном предании о Ермаке вся его жизнь меряется реками: «Ермак родился на Волге, но подался оттуда на Дон. <...> Грозный приказал его убить. Ермак ушел в Сибирь» [Тумилевич, 1980: 142]. Таким образом, эпическая биография Ермака развивается от Волги-матушки к Дону-батюшке и к смерти в Иртыше.

Это путь возмужания, становления маскулинности героя, его смерти и обретения бессмертия, поскольку речная вода в фольклоре – вода живая (в сказке о безручке руки отрастают от речной воды, Ярославна в «Слове» хочет намочить рукав в реке и обтереть раны Игоря).

В донском фольклоре отчетливо деление персонажей по принципу «свой» / «чужой». Как и полагается в фольклоре, «свои» идеализируются, «чужие» демонизируются. И «речной» хронотоп играет в этом важную роль. Так, в песне о Разине основное содержание связано с описанием корабля. Гиперболизируется сила «своих»: «на триста носов да на пятьсот кораблей» [Народное творчество Дона: 56]. В характеристике корабля Разина используется звериный код:

Как один-то из них кораблик поперед резко бежит,
Поперед он возбегает, что ясен сокол летит,
Как и нос-то со кормою – по-звериному,
А бока-то сведенные – по-змеиному,
Ну, как голову он держит по-кониному [Там же].

В противовес этому «чужие», в этом случае турецкие, корабли изображены иначе:

Зачернелися на синем море
Да кораблики все турецкие...
Парусочки на них брезентовы,
Нагружены те кораблики
Да и ядрушками, картечами [Там же: 58].

«Свой» корабль очеловечивается:

Как на место-то ушей у него навешено –
Что по черному по соболу сибирскому:
Как на место-то бровей в суденцы врезано –
Что по черной по кунице по пещеровской;
Как на место-то очей в судне вклеено –
Что по желтому по камушку по яхонту [Там же: 56].

Таким образом, корабль выступает символом макро- и микрокосма, одновременно мирозданием и человеком как частью мироздания. Это своего рода Мировое древо, верх которого представлен птицей («ясмен сокол»), ствол – конем («голову держит по-кониному»), корни – змеями (бока змеиные). Каков корабль – идеальный или хтонический, – таков и мир, который им представлен. Мотив изобилия, характеризующий «свой» корабль: скатерти шелковые, пойла пьяные, меды сладкие, закусочка сахарная – указывает на жизнь в ее полноте, цветении, в отличие от орудий смерти и разрушения на корабле вражеском (ядрушки, картечи). То же относится и к изображению людей:

На стругах сидят гребцы, удалые молодцы,
Удалые молодцы, все донские казаки.
На них шапочки собольи, верхи бархатные,
А кафтаны смурные кумачом подложены,
Астраханские кушаки полушелковые,
Что зелен сафьян сапожки, высокие каблуки,
И с зачесами чулки, да все гарусные [Там же: 63].

Смерть казака тоже связана с рекой, то есть Дон выступает символом судьбы. Если в среднерусских и северных песнях мотив смерти развивается в художественном пространстве заснеженной степи («Степь да степь кругом») и герой мысленно обращается к дому и семье, умирающий казак вспоминает Тихий Дон (или условный «Тихий Дунай» [Григорьев: 120]):

Ты пойдй, пойдй, мой конь,
К нам на Тихий Дон [Народное творчество Дона:
195].

Специфическим для донских песен является образ разбойника, тоже топографически и сюжетно связанный с рекой. Чаще всего это Степан Разин или казаки из его ватаги:

Пришатнулся удал молодец
Ко крутому, молодец, да ко бережку...
«Ой да, уж вы, братцы мои, братцы-перевозчики,
Перевезите на ту сторонушку...
Ой да, схороните меня, братцы-перевозчики,
Между трех дорог, в перекресточке [Там же: 67].

Романтизация разбойника, характерная в целом для разбойничьих песен в связи с мотивами социальной несправедливости, бедности, бунта и т. д., не мешает восприятию его как будущего «заложного» покойника, отсюда и переправа через реку, мотив, характерный для похоронной обрядности («иной» мир на-

ходится по ту сторону водной преграды) и для демонологических представлений (место обитания нечистой силы отделено от людей рекой, от демонов избавляются изгнанием их за реку), и топоним перекрестка – места погребения «заложных».

В целом река в донском фольклоре – это глубоко мужское пространство. Встречающиеся в «женских» лирических песнях образы реки и переправы как символов брака имеют общерусский характер. Основные значения реки, как бы она ни называлась, связаны с судьбой, родиной, свободой, испытанием, битвой. Именно эти смыслы транслировались и в художественную литературу региона.

Литература

Баянбаева, Ж.А. Локальный текст и его функции (на примере алма-атинского локального текста) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2016. № 2. С. 77–84.

Власкина, Т.Ю., Архипенко, Н.А., Калиничева, Н.В. Народные знания донских казаков // Традиционная культура. 2004. № 4 (16). С. 54–66.

Виноградова, Л.Н. Река // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. Т. 4 / под ред. С.М. Толстой. М.: Международные отношения, 2009. С. 416–419.

Гаспаров, Б.М. Поэтика «Слова о полку Игореве». М.: Аграф, 2000.

Григорьев, А.Ф. Символика смерти в песенном фольклоре гребенских казаков // KANT. 2018. № 1 (26). С. 119–123.

Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 тт. Т. 4. М.: Русский язык, 1980.

Донские казаки в прошлом и настоящем / под общ. ред. Ю.Г. Волкова. Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, изд-во «ГинГо», 1988.

Ермак легендарный. Донские песни и предания / зап. текстов и сост. Т.И. Тумилевич. Ростов н/Д: Ростовское книжное издательство, 1987.

Иванов, В.В., Топоров, В.Н. Дунай // Славянская мифология: Энциклопедический словарь / под ред. С.М. Толстой. М.: Эллис Лак, 1995. С. 171–173.

Листопадов, А. Песни донских казаков. В 4 тт. Т. 1. Ч. 2. М.: Музгиз, 1949а.

Листопадов, А. Песни донских казаков. В 4 тт. Т. 2. М.: Музгиз, 1949б.

Народное творчество Дона. Кн. 1 / ред. текстов, вступ. ст. и коммент. П.Т. Громова. Ростов н/Д: Ростовское областное книгоиздательство, 1952.

Петрухин, В.Я. Дунай // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. Т. 2 / под ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 1999. С. 146–147.

Рудиченко, Т.С. Донская казачья песня в историческом развитии. Ростов н/Д: Изд-во Ростовской государственной консерватории им. С.В. Рахманинова, 2004.

Рыблова, М.А. Традиционные поселения и жилища донских казаков. Волгоград: Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 2002.

Солодкин, Я.Г. «Ермаково взятие» Сибири: дискуссионные проблемы истории и источниковедения. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2015.

Топоров, В.Н. Река // Мифы народов мира. Энциклопедия. В 2 тт. Т. 2 / гл. ред. С.А. Токарев. М.: Российская энциклопедия; Минск: Дилер; Смоленск: Русич, 1994. С. 374–376.

Тумилевич, Т.И. Донские исторические предания о Ермаке: дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 1980.

Тумилевич, Т.И. История и легенды // Ермак легендарный. Донские песни и предания / зап. текстов и сост. Т.И. Тумилевич. Ростов н/Д: Ростовское книжное издательство, 1987. С. 5–16.

Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. В 4 тт. Т. 1. М.: Прогресс, 1986.

Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. В 4 тт. Т. 3. М.: Прогресс, 1987.

Фольклор Дона. Сб. 2 / сост. Ф.В. Тумилевич, М.А. Полторацкая. Ростов н/Д: Ростовское областное книгоиздательство, 1941.

Харькова, С.Ю. Гидронимы в севернорусских былинах // Русский фольклор. Т. 37: Границы понятия и сущность явления. Сборник статей и материалов памяти А.А. Горелова / отв. ред. М.В. Рейли. СПб.: Нестор-История, 2018. С. 408–475.

Юдин, А.В. Иордан и Дунай в восточнославянском магическом фольклоре // Вопросы ономастики. 2004. № 1. С. 55–74.

References

Bayanbayeva, Zh.A. (2016). Lokal'nyj tekst i ego funkcii (na primere alma-atinskogo lokal'nogo teksta) [Local text and its functions (on the example of the Alma-Ata local text)]. *Vestnik Rossijskogo Universiteta Druzhby Narodov. Seriya: Literaturovedenie. Zhurnalistika* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Literary Studies. Journalism], 2, 77–84.

Dahl, V.I. (1980). *Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language] (Vol. 4). Moscow: Russkij yazyk.

Fasmer, M. (1986). *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the Russian language] (Vol. 1). Moscow: Progress.

Fasmer, M. (1987). *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the Russian language] (Vol. 3). Moscow: Progress.

Gasparov, B.M. (2000). *Poetika "Slova o polku Igoreve"* [Poetics of "The Tale of Igor's Campaign"]. Moscow: Agraf.

Grigoriev, A.F. (2018). Simvolika smerti v pesennom fol'klоре grebenskih kazakov [The symbolism of death in the song folklore of the Grebensky Cossacks]. *KANT*, 1 (26), 119–123.

Gromova, P.T. (Ed.). (1952). *Narodnoe tvorchestvo Dona* [Folk art of the Don] (Book 1). Rostov-on-Don: Rostov Regional Book Publishing House.

Harkova, S.Yu. (2018). *Gidronimy v severnorusskikh bylinakh* [Hydronyms in Northern Rus-

sian epics]. In M.V. Reili (Ed.), *Russkij fol'klор: Granicy ponyatiya i sushchnost' yavleniya. Sbornik statej i materialov pamyati A.A. Gorelova* [Russian folklore: the boundaries of the concept and the essence of the phenomenon. Collection of articles and materials in memory of A.A. Gorelov] (Vol. 37). Saint Petersburg: Nestor-Istoriya, 408–475.

Ivanov, V.V., & Toporov, V.N. (1995). Dunaj [The Danube]. In S.M. Tolstaya (Ed.), *Slavyanskaya mifologiya: Entsiklopedicheskij slovar'* [Slavic mythology: An encyclopedic dictionary]. Moscow: Ellis Lak, 171–173

Listopadov, A. (1949a). *Pesni donskih kazakov* [Songs of the Don Cossacks] (Vol. 1, Part 2). Moscow: Muzgiz.

Listopadov, A. (1949b). *Pesni donskih kazakov* [Songs of the Don Cossacks] (Vol. 2). Moscow: Muzgiz.

Petrukhin, V.Ya. (1999). Dunaj [The Danube]. In N.I. Tolstoy (Ed.), *Slavyanskije drevnosti: etnolingvisticheskij slovar'* [Slavic antiquities: an ethnolinguistic dictionary] (Vol. 2). Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 146–147.

Rudichenko, T.S. (2004). *Donskaya kazach'ya pesnya v istoricheskom razvitii* [The Don Cossack song in historical development]. Rostov-on-Don: Rostov State Conservatory named after S.V. Rachmaninov.

Ryblova, M.A. (2002). *Tradicionnye poseleniya i zhilishcha donskih kazakov* [Traditional settlements and dwellings of the Don Cossacks]. Volgograd: Volgograd State University Publishing House.

Solodkin, Ya.G. (2015). *“Ermakovo vzyatie” Sibiri: diskussionnye problemy istorii i istochniko-vedeniya* [“Ermak’s capture” of Siberia: controversial problems of history and source studies]. Nizhnevartovsk: Nizhnevartovsk State University Publishing House.

Toporov, V.N. (1994). Reka [River]. In S.A. Tokarev (Ed.), *Mify narodov mira: entsiklopediya* [Myths of the peoples of the world: encyclopedia] (Vol. 2). Moscow: Rossijskaya enciklopediya; Minsk: Diler; Smolensk: Rusich, 374–376.

Tumilevich, F.V., & Poltoratskaya, M.A. (Eds.). (1941). *Fol’klor Dona* [Folklore of the Don]. (Vol. 2). Rostov-on-Don: Rostov Regional Book Publishing House.

Tumilevich, T.I. (1980). *Donskie istoricheskie predaniya o Ermake* [Don historical legends about Ermak] (Candidate of Philology Dissertation, the Institute of Art History, Ethnography and Folklore of the Academy of Sciences of the Byelorussian SSR, Minsk).

Tumilevich, T.I. (Ed.). (1987). *Ermak legendarnyj. Donskie pesni i predaniya* [Ermak the

legendary: Don songs and legends]. Rostov-on-Don: Rostov Book Publishing House.

Tumilevich, T.I. (1987). Istoriya i legendy [History and legends]. In T.I. Tumilevich (Ed.), *Ermak legendarnyj. Donskie pesni i predaniya* [Ermak the legendary: Don songs and legends]. Rostov-on-Don: Rostov Book Publishing House, 5–16.

Vinogradova, L.N. (2009). Reka [River]. In S.M. Tolstaya (Ed.), *Slavyanskije drevnosti: etnolingvističeskij slovar’* [Slavic antiquities: an ethnolinguistic dictionary] (Vol. 4). Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 416–419.

Vlaskina, T.Yu., Arkhipenko, N.A., & Kalinicheva, N.V. (2004). Narodnye znaniya donskih kazakov [Folk knowledge of the Don Cossacks]. *Tradicionnaya Kul’tura* [Traditional Culture], 4 (16), 54–66.

Volkov, Yu.G. (Ed.). (1988). *Donskie kazaki v proshlom i nastoyashchem* [The Don Cossacks in the past and present]. Rostov-on-Don: GinGo.

Yudin, A.V. (2004). Iordan i Dunaj v vostočno-slavyanskom magicheskom fol’klore [Jordan and Danube in East Slavic magical folklore]. *Voprosy Onomastiki* [Questions of Onomastics], 1, 55–74.

Для цитирования: Ларионова, М.Ч. Образ Дона в фольклоре донских казаков // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2026. Т. 11. № 2. С. 90–101. DOI 10.18522/2415-8852-2026-3-90-101

For citation: Larionova, M.Ch. (2026). The image of the Don River in the folklore of the Don cossacks. *Practices & Interpretations: A Journal of Philology, Teaching and Cultural Studies*, 11 (2), 90–101. DOI 10.18522/2415-8852-2026-3-90-101

THE IMAGE OF THE DON RIVER IN THE FOLKLORE OF THE DON COSSACKS

Marina Ch. Larionova, Dr. Habil. in Philology, Head of the Department of Humanitarian Studies at the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences (Rostov-on-Don, Russia); e-mail: larionova@ssc-ras.ru

Abstr**act.** The category of literary space is the most crucial structural and semantic component in the symbolic representation of a territory. The image of the Don has emerged as one of the key spatial meta-images of the Don local text, organizing the narrative and character levels as well as the entire artistic universe of its folklore and literary works. The river is not merely a setting, but also a sacred topos, an "image of place." A particular reference for the river is characteristic of Don Cossack folklore, which has preserved pan-Russian conceptions of the river (as a path to the "other" world, a symbol of fate, and a boundary) while also developing distinctly local ones, shaped by historical circumstances and a new, historical rather than mythological, mode of thought. At the same time, spatial and geographical characteristics lack concrete specificity, taking on a generalized character. The same narratives are attributed to different characters. A historical innovation was the conception of the Don as a homeland and provider, the association of the river's image with liberty and freedom, motifs of battling enemies, the division of characters into "insiders" and "outsiders," and the "outlaw" theme. In Don folklore, the river is an exclusively masculine space. The images of the river and the crossing as symbols of marriage, found in "women's" lyrical songs, are pan-Russian in character. The core meanings of the river, regardless of its specific name, are associated with fate, homeland, freedom, ordeal, and battle. It is precisely these meanings that were transmitted to the region's literature.

Key words: Don local text, the sacred topos, the river, the image of the Don, Cossack folklore, "insiders" and "outsiders"

